

⁷ Заварин А.А. Сербский период // Славянский альманах. – 2002. – М., 2003. – С. 513.

⁸ Forschungsstelle Osteuropa an der Universität. – Bremen. Historisches Archiv. Ф. 01-30.230. Е.х. П. Л. 435-436.

⁹ Там же. Л. 436-438.

¹⁰ Там же. Л.452-453.

¹¹ Там же. Л. 507.

¹² Там же. Л. 507-508.

¹³ Там же. Л. 506.

¹⁴ Там же. Л. 795-796.

¹⁵ Там же. Л. 843-844.

¹⁶ Там же. Л. 847.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 848.

¹⁹ Там же. Л. 849.

²⁰ Там же. Л. 849-850.

Кутарев О.В.

ХАРАКТЕРИСТИКА РОДА И РОЖАНИЦ В СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИИ Б.А. РЫБАКОВА И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ

Аннотация. Научное изучение таких персонажей славянской мифологии как Род и Рожаницы насчитывает уже более 150 лет. Кажется, за такой период вполне должно было сложиться и распространиться правильное представление о них. Однако соответствует ли истине наиболее часто встречаемый сегодня подход, предложенный в 1980-е гг. академиком Б.А. Рыбаковым, массово поддержанный значительными кругами неоязычников? Анализируя древнерусские источники, фольклор и исследования предшествующих Рыбакову ученых, автор пытается ответить на этот вопрос, рассматривая выводы известного академика относительно Рода и Рожаниц.

Ключевые слова: Род и Рожаницы, славянская мифология, русское неоязычество, Б.А. Рыбаков, «Язычество древних славян», родноверие.

Крупнейшим в России славянским неоязыческим течением является родноверие. Несмотря на порой весьма значительные различия в родноверческих общинах, которые могут выражаться как в отношении к текстовым источникам, так и к пантеону, обрядам, духовным практикам, существуют принципы, единые практически для всех родноверов. Прежде всего это их опора в привлечении научных источников на работы Бориса Александровича Рыбакова (1908–2001), академика и крупного исследователя язычества древних славян и Древней Руси.

Между тем в научной славистике творчество Б.А. Рыбакова уже с выхода его основных работ¹ было воспринято с большой осторожностью. Со временем появилось множество критических замечаний; несомненной заслугой ученого перед наукой были признаны лишь освоение и систематизация значительного археологического, этнографического и т. д. материала², а также его критические исследования таких поздних подделок как, например, «Велесова книга»³. Однако для родноверов именно выводы главных трудов Рыбакова имели решающее значение. Совпадение времени распространения и получения известности его работ с распадом СССР создали ситуацию, при которой главным источником многих первых неоязыческих течений, возникших как раз в этот период⁴, стали основные труды академика Рыбакова.

Одним из важнейших вопросов, в которых выводы Бориса Александровича не нашли поддержки в научном мире, является реконструкция славянского пантеона. При этом его весьма спорные, а подчас и вовсе противоречащие предшествующей и последующей науке выводы ложатся в основу родноверческих верований. В данной статье это будет рассмотрено на примере подхода Рыбакова к Роду и Рожаницам, персонажам славянской мифологии, исследования которых производились еще с середины XIX в. Взгляды Рыбакова попробуем рассмотреть на фоне предшествующих ему исследований (не затрагивая более поздних), стараясь выявить их основания. Заметим, что если рассматривать и последующие работы, то в них обнаружится целый ряд критических мнений о выводах академика; но нас интересует не обзор критической литературы, а то, чем отличались представления Рыбакова от выводов его предшественников (и многих ученых после него), и каковы основания таких его взглядов. Выделив различные взгляды на проблему и выявив между ними различия, постараемся по возможности определить, какой из взглядов наиболее обоснован.

***

Впервые Род и Рожаницы упоминаются в древнерусских текстах (хотя многими отмечается возможное заимствование фрагментов этих текстов у южных славян)⁵. Самыми старыми из них общепризнанно (в том числе и Рыбаковым) считаются «Слово некоего христолюбца» и «Слово об идолах»⁶, представляющие собой поучения против язычества и относящиеся разными исследователями⁷ к XI–XIV вв. Они сходным образом упоминают Рода и Рожаниц, например, в «Слове об идолах»: «...*требу кладет и творит и славянский народ – Вилам, Мокоши, Диве, Перуну, Хорсу, Роду и Рожаницам*»⁸. В течение последующих столетий на Руси появляется несколько других текстов, упоминающих этих персонажей славянской мифологии. Но такие поучения почти не добавляют никаких новых данных о сущности Рода и Рожаниц; по сути, они лишь воспроизводят то, что уже известно⁹ по этим двум «Словам»: что Роду и Рожаницам приносили в жертву пищу и почитали их наряду с другими языческими персонажами – божествами, Вилами и т. д., иногда лишь позволяя себе весьма неумело сравнить их с божествами из других мифологий (семитской, египетской, греческой). Среди древних памятников, упоминающих о Роде, выделяется лишь один, сообщающий оригинальную информацию. Это комментарий к Евангелию XV в. под названием «О вдуновении духа в человек», сообщающий: «Вдуновение *бессмертное нестареющее единый производит вседержитель, который один бессмертен и непогибающих творец <...>; это не Род, сидя на воздухе, мечет на землю груды, и в том рождаются дети <...>. Всем Творец Бог, а не Род*»¹⁰. Таким образом, этот текст указывает на ошибочность (с точки зрения христианства) языческого представления о том, что Род порождает души, которые он посылает с «воздуха» вниз с «грудями», т. е., по мнению Рыбакова (многими исследователями разделенному), с каплями дождя¹¹.

Другой пласт интересующих нас сведений в средневековых текстах касается связи данных персонажей с астрологией¹² (которое переводили словом «рожествословие»¹³) и судьбой. В том же «Слове об идолах» в одном ряду стоит «халд йскаиа астрономиа и родопочитание»¹⁴; и вообще, как убедительно показывает В. Й. Мансикка, «известен ряд случаев, когда греческие слова *τύχη* и *εἰςαρχμένη* (дословно «судьба» и «рок, фатум, обреченность» – *О.К.*) переводились словами «род» и «роженици»; словом «рожаницы», кроме того, часто передавали равносильные им *γενεσις* и *γενεαλογία* (дословно с греч. «происхождение, зарождение» и «родословная» – *О.К.*); «вместо действительно существовавших славянских «идолов» в роде и роженицах, <...> быть может, правильнее видеть чисто филологическое явление, попытку передать *τύχη*, *fortuna*, понятие

судьбы на славянском языке»¹⁵ – во всяком случае, иногда мы можем это утверждать наверняка. Рода и Рожаниц почитали на другой день после Рождества¹⁶ и Рождества Богородицы¹⁷, причем в течение нескольких веков выходили поучения, осуждающие приношения каш и различной выпечки в этот день, посвященные Рожаницам¹⁸. По сути, это все прямые данные, которые можно почерпнуть из древнерусских текстов. Стоит подчеркнуть, что Род и Рожаницы известны только по текстам, осуждающим двоеверие, и нет никаких упоминаний об их идолах, о клятвах ими и т.п., что отмечает и сам Рыбаков¹⁹.

Дополнительные сведения доносит до нас фольклор, причем не только восточных и южных, но даже, хотя и в меньшей степени, западных славян. Ян Махал пишет о Рожаницах в славянском мире: «их также называли Судицы («дающие судьбу»), Судженицы, Суженицы (хорватск.), Соженицы, Суженицы (словенск.), Суджженицы (болгарск.) или Судички (чешск.). Болгары имеют свои собственные названия для них, а именно: Наречницы (нарок, «судьба»), или они зовут их Орисницы, Урисницы, Уресицы»²⁰, сходны с ними русские Доля и Удельницы и сербская Среча²¹, также – Живицы, Деклицы и т.д.; таким образом, их почитание предстает «одним из остатков древности общеславянской»²². По фольклору известно, что это женщины, часто одетые в белое, иногда со свечами в руках и венками на головах, а «чехи верят, что после того, как нашьют глубокий сон на родившую женщину, Богини судьбы кладут ребенка на стол и решают его судьбу. Обычно являются три Богини, и третья и самая старшая из них – самая могущественная; но упоминаются также одна, четыре, пять, семь или девять, с повелительницей во главе»²³. Их решения часто противоречат друг другу, но что скажет последняя, то и сбудется. Основные вопросы, которые они решают, как долго ребенок будет жить, будет ли он богатым или бедным и что будет причиной его смерти. Согласно широко распространенному поверью, первая прядет, вторая отмеряет, а третья обрезает нить, чья длина означает длительность жизни новорожденного»²⁴. Подобное представление, известное славянскому народному творчеству (ср. у Пушкина «Три девицы под окном / Пряли поздно вечерком...»²⁵), имеет явную параллель в индоевропейской мифологии. Богинями судьбы у германцев являются три «норны, те, что приходят ко всякому младенцу, родившемуся на свет, и наделяют его судьбою»²⁶. Тот же архетип обнаруживают римские парки и их аналоги – греческие мойры, о которых Гесиод пишет, что их три, что «людям определяют они при рождении несчастье и счастье»²⁷, и о которых также есть представление как о пряхах. При этом роль Рожаниц связана не только с судьбой: они являются также и предками, олицетворяющими прародительниц и дающими особое покровительство женщинам. Это представление также имеет аналоги: «подобным образом римские юноны (защитницы женщин) были первоначально душами умерших, а идиизы скандинавской мифологии – духами умерших матерей, которые стали распорядительницами судьбы»²⁸. Таким образом, присоединилось «со временем в сознании обличителей к основному астрологическому значению рода и рождениц и понятие умерших предков, культ которых имел чрезвычайно большое распространение среди славян <...>: род и рожденицы казались обличителю идентичными с умершими родственниками»²⁹. В этой связи стоит отметить немалое сходство в почитании таких персонажей как Род, домовая и, например, болгарский Стопан – всем им приносились в жертву трапезы, все они считались распорядителями судеб своих потомков, и в почитании всех их можно без труда найти (а в случае Рода – справедливо предположить) образ умершего предка³⁰.

Подведем первые итоги. Род и Рожаницы предстают, прежде всего, олицетворением судьбы, при этом Род, вероятно, в языческих представлениях давал людям душу, а Рожаницы – судьбу. Кроме того, им ставится

трапеза и выказывается соответствующее уважение; таким образом, Род – это совокупность предков, обожествленный род человека, и создатель души.

Теперь, рассмотрев вкратце сведения, которые предоставляют нам старые тексты и фольклор, исследуем представление о Роде и Рожаницах у Рыбакова. Он пишет о них довольно много и посвящает только им почти две главы (из десяти) в «Язычестве древних славян»³¹. Справедливо его цитирование Гальковского, который утверждал, что вопрос Рода и Рожаниц является одним из наиболее запутанных и сложных, однако странно, что, выделяя общие тенденции в его изучении, он замечает лишь подход к Роду как к Домовому (полное тождество которых он справедливо отрицает³²), почему-то не пытаясь проанализировать, скажем, мнение В.Л. Комаровича, что «Род – совокупность предков данной семьи»³³, – Рыбаков критикует совсем иные его положения³⁴. Подвергая критике замечание, что Рожаниц сближали с астрологией, и отмечая, что в данном случае мы имеем дело с омонимом, Рыбаков, тем не менее, даже не допускает мысли, будто подобное свойство могло быть одним из атрибутов Рожаниц, этой омонимией лишь подтверждающееся³⁵.

Одним из основных аргументов Рыбакова в пользу понимания «Рода как значительного славянского божества»³⁶ является пресловутая «периодизация» автора «Слова об идолах», которая сообщает, что *«славяне начали трапезу ставить Роду и Рожаницам, прежде Перуна, бога их. А прежде того клали требы упырям и берегиням»*³⁷. Из этой на самом деле ничем не примечательной фразы, которая в «Слове об идолах» не получает никакого развития, Рыбаков делает довольно значительные выводы. Так, он выстраивает картину, по которой им четко обозначаются исторические периоды, социальные формации, технологические достижения. Доверившись одной лишь фразе, Рыбаков начинает исследовать материал уже только в тех ее пределах, какие только что сам обрисовал, забыв и о том, что есть иные источники, и о том, что к самой этой «периодизации» нужно вначале подойти критически. Между тем уже за несколько десятилетий до этого Е.В. Аничков практически бесспорно доказал, что признанная самим же Рыбаковым пестрота и мозаичность текста³⁸ объясняются обилием вставок и позднейших дополнений³⁹. Но Рыбаков продолжает видеть внутреннюю логику сквозь «незавершенность», как бы черновой вид «Слова»⁴⁰. Он сразу же понимает из этих строк, что упырям и берегиням поклонялись именно в эпоху мезолита и неолита, что это были олицетворяющие соответственно зло и добро начала, хотя тут же признает, что у нас почти нет даже близких нам по времени данных об этих существах. Что же касается мезолита, то к нему рано применять даже праиндоевропейскую религию⁴¹ и самые ее основы известны нам плохо. Но Рыбаков продолжает развивать свою идею в I и VIII главах «Язычества древних славян», не особенно привлекая по теме хоть какие-нибудь источники. То же касается и Рода, доминирующего, по мнению Рыбакова, божества в период перехода «от присваивающего хозяйства к производящему»⁴², т.е. от начала неолита до почти исторического времени, когда только, по мнению Рыбакова, и утвердился главным богом Перун. Между тем уже Прокопий Кесарийский в первой половине VI в. отмечает: *«славяне считают, что один только бог, творец молнии, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды»*⁴³. Однако Рыбаков скорее считает творцом молнии не Перуна, а Рода; он выдвигает и множество других оригинальных – но оправданных ли? – предположений, вместо доказательств лишь добавляя, что так «могло быть». В итоге Рыбаков приходит-таки к выводу, что Род – божество «Вселенной, всей природы и плодородия», а Рожаницы занимают то же место, которое в греческой мифологии занимали покорные Зевсу мойры. При этом Рожаниц только две, поскольку

лишь такой пример автор сумел отыскать в известных ему археологических материалах⁴⁴. Чтобы подтвердить факт важности Рода, Рыбаков замечает, что монотеистическое христианство противопоставляло ему единого Бога. Но кого еще, кроме единого Бога, могло противопоставить любому языческому божеству христианство?

Достоин уважения то, что в отличие от многих иных авторов Рыбаков уделяет больше внимания именно Роду, а не Рожаницам, несмотря на то, что Род, по сути, неизвестен из фольклорных и этнографических материалов, что делает этот материал более сложным для заключений. Но выводы Рыбакова крайне спорны. Академик говорит, что важную роль в объяснении свойств и функций Рода может сыграть «разветвленный комплекс древнерусских слов, содержащих корень “род”»⁴⁵, но при этом ассоциирует его с водой, природой, красным цветом и даже шаровыми молниями, так и не приходя к самому очевидному выводу – что Род мог быть богом... рода. Так, Рыбакову было бы еще логичнее подойти к справедливому выводу, что Род – также и Родитель. Весьма сомнительно его заключение относительно связи символики 6-спицевого колеса с Родом – по сути, он не приводит ни одного довода в пользу этого, кроме того, что данный символ относился к главному божеству и свету, которым в ходе очередной спекуляции Рыбакова стал вдруг Род. Столь же необоснованным выглядит и сопоставление «главного» восточно-славянского бога Рода с главным божеством западно-славянского полабского племени руян Святтовитом, которого академик рассматривает не на основании текстов Гельмольда и Саксона Грамматика, достоверно описавших его почитание⁴⁶, а опираясь на собственные трактовки знаменитого Збручского идола. Что касается Збручского идола, то даже и его соотнесение со Святтовитом не является доказанным, с чем соглашается и сам Рыбаков⁴⁷, не говоря уже о том, чтобы сближать его с Родом. Тем не менее несколько страниц Рыбаков посвящает изучению этого (возможно, неславянского или даже поддельного⁴⁸) идола в качестве Рода.

Обращаясь к иным идолам, Рыбаков говорит уже о Рожаницах, настаивая на своем мнении, что их было две, хотя фольклор показывает разное их количество и доминирующим вариантом является тройка. В итоге академик называет Рожаницами распространенный тип двойного идола, не обращая внимания на то, что у этих «Рожаниц» есть усы⁴⁹. В качестве доказательства их двойственности академик ссылается лишь на сибирские и греческие мифы, едва ли на самом деле могущие содержать сведения о Роде и Рожаницах. Единственным здравым предположением, впрочем, также требующим дальнейших исследований, является мысль о том, что культ Рода и Рожаниц мог иметь, кроме прочего, и аграрную сущность⁵⁰. Весьма сомнительно также мнение Бориса Александровича относительно идентификации Рожаниц как богинь Лады, Лели и т. д.⁵¹.

Возникает справедливый вопрос: если Род был главным божеством славян, то почему, даже если и можно объяснить исключительностью его свойств отсутствие ему идолов, он нигде не был упомянут как главный? Почему он упомянут только в русских источниках? Почему молчат о нем летописи, почему его вовсе нет в фольклоре (в отличие от Рожаниц), почему он не упомянут ни в каких внешних источниках, как тот же Перун, почему не видно его проявлений в культе христианских святых или, наоборот, в поздней демонологии?

Как мы видим, Рыбаков абсолютизирует Рода и возвышает до него Рожаниц; если его взгляды на Рожаниц не столь далеки от принятых, то возвышение Рода как минимум беспочвенно. Рыбаков расходится и с научным большинством, и с довольно очевидными данными фольклора.

На представлении о Роде и Рожаницах как о распорядителях судеб и вместе с тем как на олицетворение предков и всего рода указывает значительное число авторов, начиная с самых ранних исследований, – напри-

мер, И.И. Срезневского 1855 г.⁵² (в то время как в 1850-е и началось их научное изучение)⁵³. До Рыбакова по данному вопросу подобное мнение высказывали, например, А.Н. Веселовский⁵⁴, А.Н. Соболев⁵⁵, Ян Махал⁵⁶, Е.В. Аничков⁵⁷, В.Л. Комарович⁵⁸, М. Гимбутас⁵⁹ и др. Из ученых, писавших об этом позже, можно отметить, например, В.В. Иванова и В.Н. Топорова⁶⁰, В.Я. Петрухина⁶¹, Л.С. Клейна⁶².

Напоследок стоит сделать оговорку, что, хотя Прокопий Кесарийский писал, что «судьбы они (славяне – *О.К.*) не знают и вообще не признают», он затем сам же отмечает, что они «производят и гадания»⁶³. И как мы видим теперь, «не без смысла, конечно, Прокопий заметил, что славяне судьбы не признают, а признают благость и силу Провидения Божьего»⁶⁴, что судьба у них не является слепой и механической, а олицетворена некими божествами, а именно Родом и Рожаницами, чего так и не признал Рыбаков, выстроивший оригинальную, но в целом безосновательную теорию о Роде как абсолютном и высшем боге славянского язычества.

Библиографический список

- Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. – М., 2009.
- Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха. Гл. XIII. Судьба-Доля в народных представлениях славян // Отделение русского языка и словесности. – СПб. – 1890. – Т. 46. – № 6. – С. 172–261.
- Гайдуков А.В. Легитимность славянского неоязычества: особенности взаимоотношения с государственной властью // Герценовские чтения: Актуальные проблемы социальных наук. – СПб., 2004. – С. 274–278.
- Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. – М., 2013.
- Зубов Н.И. Научные фантомы славянского Олимпа // Живая старина. – М., 1995. – № 3 (7). – С. 46–48.
- Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. – СПб., 2004.
- Комарович В.Л. Культ Рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Труды отдела древнерусской литературы. – Т. XVI. – Л., 1960. – С. 84–104.
- Мансикка В.Й. Религия восточных славян. – М., 2005.
- Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М., 1981.
- Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М., 1987.
- Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.
- Срезневский И.И. Роженицы у славян и других языческих народов. – М., 1855.
- Что думают ученые о «Велесовой книге» / сост. О.В. Творогов, А.А. Алексеев. – СПб., 2004.
- Máchal J. Slavic Mythology // Mythology of all races. – Vol. III. Celtic and Slavic Mythology. / ed. by L.H. Gray. – Boston, 1918. – P. 215–330.

¹ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М., 1981; Его же: Язычество Древней Руси. – М., 1987. Данные работы вышли огромными тиражами и имеют переиздания.

² См., напр.: Егоров В. Б. Когда возникла Киевская Русь? // История в подробностях. – 2012. – № 3. – С. 32–43; Клейн Л. С. Академик Рыбаков и партийная линия // Троицкий вариант. – 2011. – № 73. – С. 14; Новосельцев А.П. «Мир истории» или миф истории? // Вопросы истории. – 1993. – № 1. – С. 23–32, и др.; при желании можно перечислить множество статей и книг, критикующих те или иные выводы Бориса Александровича.

³ Буганов В.И., Жуковская Л.П., Рыбаков Б.А. Мнимая «древнейшая летопись» // Что думают ученые о «Велесовой книге» / сост. О.В. Творогов, А.А. Алексеев. – СПб., 2004. – С. 38–46.

⁴ Гайдуков А. В. Легитимность славянского неоязычества: особенности взаимоотношения с государственной властью // Герценовские чтения: Актуальные проблемы социальных наук. – СПб., 2004. – С. 274–278.

⁵ Срезневский И.И. Роженицы у славян и других языческих народов. – М., 1855. – С. 10; Мансикка В.Й. Религия восточных славян. – М., 2005. – С. 142 и др.

⁶ «Слово об идолах» – условное сокращение (напр., у Е. В. Аничкова); его полное название «Слово святого Григорья, ізобрѣтено въ толцѣхъ о томъ, како первое погани суще языци кланялися идоломъ і требы имъ клали; то і нынѣ творять» // Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. – М., 2013. – С. 281–299. То же касается и «Слова некоего христороубца» – «Слово некоего Христороубца, и ревнителя по правой вере» // Там же. – С. 300–312.

⁷ См., напр.: Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. – М., 2009. – С. 190, 199; Мансикка В.Й. Указ. соч. – С. 142.

⁸ Пер. с др.-рус. наш. В оригинале: «требуо кладоуть и творять, и словенъскыи языкъ, Виламъ, и Мокошыи, Дивъ, Пероуноу, Хърсоу, Родоу, и Рожаницы» // Гальковский Н.М. Указ. соч. – С. 287.

⁹ См., напр.: «Слово Исаия пророка истолковано святымъ Иоаномъ Златаоустомъ о поставляющихъ второую трапезу Роду и Рожаницамъ» // Гальковский Н.М. Указ. соч. – С. 348–355; «Слово некоего Христороубца и наказаніи отца духовного» // Срезневский И.И. Древние памятники. Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. – Т. 10, вып. 7. – СПб., 1863. – С. 699–700; Аничков Е.В. Указ. соч. – С. 125–152 и др.

¹⁰ Пер. с др.-рус. наш. В оригинале: «Вдуновение бесмртное нестарѣюще единъ вдымаеътъ вседръжителъ, иже единъ безсмртенъ и непогибающихъ творецъ <...>; то ти не Родъ, сѣдя на въздухъ мечеть на землю груди и в томъ ражаются дѣти <...>. Всѣмъ бо естъ Творецъ Богъ, а не Родъ» // Гальковский Н.М. Указ. соч. – С. 360–362.

¹¹ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М., 1981. – С. 450. Стоит отметить, что другие авторы (напр., В.Я. Петрухин и др.) имеют иную точку зрения в определении «груд» в данном тексте.

¹² Срезневский И.И. Роженицы у славян и других языческих народов. – М., 1855. – С. 9.

¹³ Мансикка В.Й. Указ. соч. – С. 145.

¹⁴ Гальковский Н.М. Указ. соч. – С. 288.

¹⁵ Мансикка В.Й. Указ. соч. – С. 134–135.

¹⁶ Гальковский Н.М. Указ. соч. – С. 114–115.

¹⁷ Зубов Н.И. Научные фантомы славянского Олимпа // Живая старина. – 1995. – № 3 (7). – С. 46–48.

¹⁸ Мансикка В.Й. Указ. соч. – С. 140–141.

¹⁹ Рыбаков Б.А. Указ. соч. – С. 442.

²⁰ Пер. с англ. наш. В оригинале: «they were also called Sudice («Givers of Fate»), Sudjenice, Sujenice (Croatian), Sojenice, Sujenice (Slovenian), Sudženici (Bulgarian), or Sudičky (Bohemian). The Bulgarians have their own name for them, viz. Naručnici (narok, «destiny») or they call them Otisnici, Urisnici, Uresici» // Máchal J. Slavic Mythology // Mythology of all races. – Vol. III. Celtic and Slavic Mythology. / ed. by L.H. Gray. – Boston, 1918. – P. 250.

²¹ Ibid. – P. 251–252.

²² Срезневский И.И. Указ. соч. – С. 10–21.

²³ Бывает также, что их две или даже одна на каждого человека. См.: Там же.

²⁴ Máchal J. Op. cit. – P. 250–251.

²⁵ Пушкин А. С. Сказка о царе Салтане // Пушкин А.С. Сочинения: В 2-х т. – Т. 1. – М., 1982. – С. 339.

²⁶ Снорри Стурлусон. Младшая Эдда. – Л., 1970. – С. 23 («Видение Гюльви», 15).

²⁷ Гесиод. Теогония // Гесиод. Полное собрание текстов. – М., 2001. – С. 27 (Строки 218–219).

²⁸ Máchal J. Указ. соч. – С. 249.

²⁹ Мансикка В.Й. Указ. соч. – С. 135.

³⁰ Máchal J. Указ. соч. – С. 238–240.

³¹ Рыбаков Б.А. Указ. соч. – С. 438–470 («Глава восьмая. Род и рожаницы»).

³² Там же. С. 438–441.

³³ Там же. – С. 439.

³⁴ Стоит отметить, что формат статьи не позволяет рассмотреть детально все аспекты воззрений на Рода и Рожаниц в науке. Напр., Рыбаков вслед за Комаровичем считает, что данный культ был общественным и общенародным (см. там же. – С. 439–440), в то время как Н.М. Гальковский отмечает: «почитание же рода и рожаниц было делом семейным, частным» (Гальковский Н.М. Указ. соч. – С. 120); подобных взглядов можно выделить много.

³⁵ Рыбаков Б.А. Указ. соч. – С. 441.

³⁶ Там же. – С. 443.

³⁷ Пер. с др.-рус. наш. В оригинале: «словенъ начали тряпезу ставити, родоу и рожаницамъ, переже перуона бога ихъ. А преже того клали требы оупиремъ и берегынямъ» // Гальковский Н.М. Указ. соч. – С. 288–289).

- ³⁸ Рыбаков Б.А. Указ. соч. – С. 11–12.
- ³⁹ Аничков Е.В. Указ соч. – С. 101–120.
- ⁴⁰ Рыбаков Б.А. Указ. соч. – С. 12.
- ⁴¹ Элиаде М. История веры и религиозных идей. – М., 2002. – С. 174–178.
- ⁴² Рыбаков Б.А. Указ. соч. – С. 20.
- ⁴³ Прокопий из Кесарии. Война с готами. – М., 1950. – С. 297.
- ⁴⁴ Рыбаков Б. А. Указ. соч. – С. 24.
- ⁴⁵ Там же. – С. 451.
- ⁴⁶ Гельмольд из Босау. Славянская хроника. I. 52, II. 12 // Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники. – М., 2011. – С. 213, 278; Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. – Nauniae, 1931. – Т. 1. XIV. 39. – С. 464–467.
- ⁴⁷ Рыбаков Б.А. Указ. соч. – С. 462.
- ⁴⁸ Комар А., Хамайко Н. Збручский идол: памятник эпохи романтизма? // Ruthenica. – Київ, 2011. – Т. X. – С. 166–217.
- ⁴⁹ Рыбаков Б.А. Указ. соч. – С. 465.
- ⁵⁰ Там же. – С. 469.
- ⁵¹ Там же. – С. 465–470.
- ⁵² Срезневский И.И. Указ. соч.
- ⁵³ Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. – СПб., 2004. – С. 182–183.
- ⁵⁴ Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха. Гл. XIII. Судьба-Доля в народных представлениях славян // Отделение русского языка и словесности. – 1890. – Т. 46, № 6. – С. 172–261.
- ⁵⁵ Соболев А.Н. Загробный мир по древнерусским представлениям. – Сергиев Посад, 1913. – С. 75–85.
- ⁵⁶ Máchal J. Указ. соч.
- ⁵⁷ Аничков Е.В. Указ соч. – С. 215–218.
- ⁵⁸ Комарович В.Л. Культ Рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Труды отдела древнерусской литературы. – Т. XVI. – Л., 1960. – С. 84–104.
- ⁵⁹ Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна. – М., 2008. – С. 207.
- ⁶⁰ Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Род // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М., 1995. – С. 335.
- ⁶¹ Петрухин В. Я. Древняя Русь. Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. – М., 2000. – Т. 1. – С. 236–243.
- ⁶² Клейн Л.С. Указ. соч. – С. 182–196.
- ⁶³ Прокопий из Кесарии. Указ. соч. – С. 297.
- ⁶⁴ Срезневский И.И. Указ. соч. – С. 14.